

УДК [811. 161. 1' 367]

ВРЕМЕННОЙ ПОРЯДОК И ЭМОТИВНОЕ ВРЕМЯ

TEMPORAL ORDER AND EMOTIVE TENSE

П. А. Шалимова

P. A. Shalimova

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары

Аннотация. Установлено, что в формировании семантики временного порядка участвуют элементы так называемого эмотивного времени как проявления индивидуально-авторского начала и интенциональности.

Abstract. It's determined that the elements of so-called emotive tense as representation of subjective author's intentionality is involved in the process of forming temporal order semantics.

Ключевые слова: *временной порядок, эмотивное время, экспрессия, субъектная сфера, восприятие времени, нарратив.*

Keywords: *temporal order, emotive tense, expression, subjective sphere, time perception, narrative.*

Актуальность исследуемой проблемы. Категория временного порядка – один из аспектов представления времени в повествовательном тексте, а именно в нарративе. К разработке данной категории обращались такие исследователи, как Г. Рейхенбах (логико-философский подход), А. В. Бондарко (лингвистическое осмысление), С. Л. Михеева (выявление системы морфолого-синтаксических средств, участвующих в формировании семантики временного порядка (ВП)).

Между тем семантику ВП актуализируют разнообразные авторские интенции, представляется значимым сам способ восприятия времени автором и персонажем.

Материал и методика исследований. Материалом исследования послужили нарративные русскоязычные тексты исторического и биографического характера, а также произведения жанра фантастики. В процессе исследований был использован комплекс теоретических (анализ научной, специальной литературы; изучение статей и дефиниций в энциклопедических, толковых и фразеологических словарях) и эмпирических методов (подбор и классификация языкового материала, его функционально-семантический анализ; метод ситуативного/контекстуального анализа материала).

Результаты исследований и их обсуждение. Семантику ВП, по мнению А. В. Бондарко, формируют признаки «данная ситуация (ДС)» и «возникновение новой ситуации (ВНС)» (либо смена новых ситуаций), а также сукцессивности/симультанности в пределах текста или его фрагмента [2, 531]. ВП – это «время в событиях» [1, 167], представленное в рамках нарративного режима. Интервалы между действиями и состояниями либо обозначены лексически, либо имплицитуются.

Время во фрагментах с семантикой ВП может быть представлено и как текущее равномерно, однородно: *Сначала афиняне отказались впустить Гарлала, но потом ему все-таки разрешили остаться в городе, без наемников и кораблей, как молящему о защите* (Т. Гончарова).

Характер движения времени и его восприятие автором и персонажем не эксплицируются. В данном случае мы наблюдаем «время в событиях», однако внимание не сосредоточено на самом ходе времени, способе его протекания, переживание времени автором и/или персонажем не выходит на первый план. В ряде же фрагментов именно элементы эмотивного времени (ЭВ) в структуре семантики ВП способны актуализировать данную семантику и, в ряде случаев, принимать участие в смысловой организации фрагмента текста (и даже целостного текста). Кроме того, элементы ЭВ – это не что иное, как проявление индивидуально-авторского начала, интенциональности. Появление показателей ЭВ подчеркивает семантику ВП, способствует осознанию значимости описываемых событий, изменений, происходящих в ту или иную эпоху, в жизни конкретной личности, социальной общности, государства (в историческом и биографическом повествовании) или в бытии вымышленного мира (характерно для произведений жанра фантастики). Описываемые события передаются не только как значимые, но и как осмысленные, пережитые лично автором и/или персонажем. Следует уточнить, что ЭВ появляется тогда, когда восприятие времени представлено сквозь субъектную сферу персонажа или автора/повествователя [9, 216].

Далее речь пойдет о способах и средствах субъективной репрезентации хода времени в повествовательном тексте и экспликации ЭВ в текстовых фрагментах с семантикой ВП [10, 86]. Задача нашего исследования – выявить, каково значение так называемого ЭВ в организации семантики ВП в рамках нарративного текста. По А. Д. Шмелеву, «есть основания говорить о том, что для русского языка релевантно противопоставление “исторического”, “бытового” и “эмоционального” времени» [11, 2]. Нам представляется, что возможно не только противопоставление, но и сосуществование исторического, биографического и «эмоционального» времени в пределах нарративного текста или его фрагмента.

Материалом исследования, как уже ранее было отмечено, послужили фрагменты художественных текстов и нарратива биографического и исторического характера с семантикой ВП.

Рассмотрим ряд примеров.

(1) *Пот и труд, и суровость наставника.*

Ровно в полдень – трапеза. <...>

*И после трапезы – один час для отдыха. **Всего один, невозможно короткий час.** <...>*

Час пролетал подобно мигу.

И вновь наступал черед воинского искусства. <...> (Г. Л. Олди).

В данном примере имеет место постепенное расширение восприятия времени – от объективного указания на его движение (описания распорядка дня в Шаолинском монастыре – часа отдыха, следующего за трапезой) до субъективного, эмотивного его переживания *персонажами* произведения. Здесь подчеркивается скоротечность времени, выделенного монахам для отдыха, что лингвистически репрезентируется при помощи сравнительно-сопоставительной конструкции. Сравняется один и тот же период времени в объективной и субъективной системах координат [9, 217].

В качестве средства выражения субъективного времени выступают сопоставляемые именные группы (в данном примере – одиночные имена существительные) с темпораль-

ным значением. Лексическая семантика предиката **пролетал** подчеркивает идею субъективного ускорения времени. Видовая семантика предиката несет в себе указание на постоянный характер восприятия данного временного промежутка: предикат употреблен в форме НСВ в неограниченно-кратном значении. Идея скоротечности времени выражена и вне сравнительно-сопоставительной конструкции – при участии адverbиального показателя **невозможно** в предшествующей предикативной единице. На наш взгляд, элементы субъективного, эмотивного восприятия времени в рамках данного фрагмента актуализируют семантику ВП и обогащают текст в содержательном отношении: имплицитруется ценность и уникальность этого временного отрезка, косвенно выраженные лексически при помощи выделительно-ограничительной частицы **всего**. Данная частица, расположенная в парцелляте – рематической части высказывания, усиливает экспрессивность фрагмента и выделяет слово «один», подчеркивая значимость указанного временного отрезка для персонажей произведения. По В. В. Виноградову, усилительно-ограничительные, или выделительные, частицы и их эквиваленты, гибридные слова с модальным значением, способны, как в анализируемом примере, играть роль «своеобразных качественных показателей смыслового веса слов и высказывания в целом» [4, 559]. Авторы используют парцелляцию как фигуру экспрессивного синтаксиса. Экспрессивный синтаксис понимается современными исследователями как средство «логического усиления выразительности, оценочности, одним словом, прагматического потенциала высказывания». Эмотивное восприятие времени, на наш взгляд, включает в себя прагматический аспект. Таким образом, парцеллирование высказывания может быть названо одним из средств формирования эмотивности времени в исследуемом фрагменте. Для языка художественной литературы, как для «экспрессивного стиля», парцелляция признана типичным явлением [7, 289].

ЭВ появляется благодаря тому, что восприятие времени представлено через субъективную сферу персонажей.

(2) Если **раньше** афиняне, считавшие всех равными перед отечеством, «не ставили... бронзовых изображений ни Фемистокла, ни Мильтиада...», то герои этого смутного и горестного для старинных греческих полисов времени **жаждали** и бронзы, и мрамора, и поэтического слова. <...> **Теперь** столь многие **претендовали** быть героями или полубогами, что все это превращалось понемногу в гигантский постыдный фарс (Т. Гончарова).

В этом фрагменте ВП и ЭВ представлены автором по-иному. Исследователь жизненного и творческого пути Эпикура передает реалии смены эпох в событиях при помощи эмоционально-экспрессивного противопоставления прошлого и настоящего текстового времени. Имеет место включение ЭВ в биографическое время [9, 218]. Структура лингвистического выражения ВП здесь не является классической, прототипической: за данной ситуацией следует новая ситуация, однако автор заключает идею движения времени и происходящих изменений в рамки сложноподчиненного предложения с придаточным сопоставительным с соответствующим значением. Вторая часть фрагмента с начальным **теперь** конкретизирует новую ситуацию и одновременно является своеобразным выводом, итогом изменившегося положения дел в «новую» эпоху. Семантика ВП, в частности смены ситуаций, акцентируется при участии адverbиальных показателей **раньше** и **теперь**, эксплицирующих антитезу прошлого и настоящего. Описываемые временные и событийные пласты не только и не столько следуют один за другим, сколько противопоставлены автором друг другу, благодаря чему время в анализируемом фрагменте с семантикой ВП становится в высшей степени эмотивным. Представляется, что видовременные значения предикатов

в данном случае практически нейтральны к идее выражения ВП. На первый план выдвигаются их лексические – как денотативные, так и коннотативные – значения и авторская экспрессия. Восприятие времени представлено сквозь субъектную сферу повествователя.

Эмоционально-экспрессивное противопоставление положения дел во времени характерно и для следующего примера: (3) *В городе вспыхнуло самое настоящее побоище. Почти целый день длился бой, только к вечеру одолели тверичи. <...>*

Это только потом про погибель Щелкана Дудентьевича стали песни петь, а сразу, как поостыли, не до песен было. Молча встретила земля тверское отмищение. Не осуждали, нет, но и радоваться особо чему же? (Ю. Лощиц).

Автор приводит и противопоставляет друг другу две различные оценки результатов вооруженного столкновения, представленные сквозь субъектные сферы повествователя и действующих лиц истории, которых мы условно назовем персонажами. Данные оценки репрезентируются на разных участках временной оси: более ранняя – скептическая (ДС), более поздняя – героическая или нейтральная с позиции персонажей и, как нам представляется, ироническая, с точки зрения повествователя (ВНС). Автор демонстрирует, как трансформировались во времени взгляды средневекового человека XIV столетия на события подобного рода: междоусобная война и набег на соседний город не столько восхвалялись как воинский подвиг, сколько являлись очередным более или менее значительным событием, которое должно быть осмыслено и отражено в устном народном и летописном творчестве. Лексически семантику смены ситуаций оформляют адвербиальные показатели **сразу** и **потом**. Значение противопоставления двух взглядов на события, эмоциональное отношение к ним и их одновременность подчеркивает модальная частица **только**. Согласно Русской грамматике данная модальная частица способна усиливать, акцентировать сообщение, приносить в высказывание оценку описываемых событий [5, 697]. В. В. Виноградов отмечает, что класс частиц (в том числе усилительно-ограничительных, или выделительных) «глубоко внедряется в категорию модальных слов» и развиваются новые «гибридные» типы частиц (как, например, **только** в примере (3)), способных выражать модальные значения [4, 562]. J. Štepaň подчеркивает, что частица **только** «сотрудничает» с обстоятельственными определениями времени. Наличие в высказывании сочетания «**только** + обстоятельство, отвечающие на вопрос **когда?**» подразумевает направление за пределы данного предложения. Невыраженные смыслы либо эксплицируются, либо имплицитно присутствуют во фрагменте. Предполагается наличие противоположного факта. Исследователь указывает на противоположность смыслов, «которые активно отражают два факта внеязыковой действительности как две различные фазы», поскольку тесно связаны с обусловленностью и во времени; описанные явления выполняют функцию объединения фрагмента [12, 32].

(4) 1. *Ладно, пускай завтра в больницу.* 2. *Завтра перетекает в сегодня.* 3. *Душная полночь с четверга на пятницу.* 4. *Наступает 25 июля 1980 года.* 5. *Самый короткий день в жизни Владимира Высоцкого* (В. Новиков).

Фрагмент (4) иллюстрирует прием несобственно-прямой речи, который позволил автору книги о В. Высоцком создавать иллюзию того, что в построении текста участвовал сам поэт и время от времени говорил с читателем напрямую. При таком способе повествования субъективные переживания персонажа предстают перед нами более объемными и эмоционально насыщенными, у читателя формируется эффект присутствия в описываемых обстоятельствах. Вследствие этого достигается выраженная «эмотивность» данного временного промежутка не только для персонажа и автора, но и для читателя. Полагаем, что в данном случае можно говорить о концептуализации времени [10, 88]. В. Высоцкий движет-

ся в последнюю в его жизни полночь, а читатель и автор оказываются будто бы вписанными в хронотоп повествования наряду с близкими поэта и даже с ним самим. Субъективное время не ускоряется и не замедляется, однако обостряется его восприятие. Лексические показатели *ладно* и *пускай* характеризуются семантикой допущения и носят разговорный характер. Данный факт подчеркивает диалогичность текстового фрагмента, что усиливает эффект присутствия в нем читателя. Предикативная единица 2 указывает на движение времени, а номинативное предложение 3 акцентирует внимание на моменте перехода из одного временного периода в другой. В рамках анализируемого фрагмента с семантикой ВП указанная предикативная единица выступает в роли интервала, причем, скорее, с точки зрения субъективного, нежели объективного восприятия времени. Предложение 4 иллюстрирует наступление новой ситуации с позиции объективного времени. Повествование становится документальным, безэмоциональным. Автор употребляет прилагательное в превосходной степени *самый короткий* в сочетании с существительным *день*. Для современных носителей русского языка более привычным является стертое метафорическое значение словосочетания *короткий день*: «короткий (световой, учебный, рабочий) день». Однако в данном случае эксплицируется буквальное значение словосочетания, усиленное употреблением прилагательного *короткий* в превосходной степени. Предложение 5 поясняет и подчеркивает смысл предыдущего, автор акцентирует внимание не столько на самом факте ухода из жизни В. Высоцкого, сколько на том, что времени для жизни остается очень мало. На наш взгляд, подобное восприятие времени могло характеризовать и самого поэта, следовательно, и в данной предикативной части присутствуют элементы субъективного, эмоционального времени. В анализируемом фрагменте со значением ВП сопряжено акцентирование внимания на движении времени, на переходе из «завтра» в «сегодня», поскольку текстовое «сегодня» станет роковой датой для В. С. Высоцкого. В данном случае восприятие времени представлено в основном через субъектную сферу персонажа.

(5) *Нижегородская каша только еще заваривается подспудно, а расхлебывать ее и Москве, и Нижнему годами, пригоревшие ко дну остатки и совсем не скоро отскребутся* (Ю. Лощиц).

Данный фрагмент иллюстрирует движение событий от более ранних к более поздним в пределах относительной временной ориентации «будущее сопоставительное». События происходят в прошлом (во времена монголо-татарского нашествия на Русь), однако выделенные глагольные предикаты, являясь синонимичными формам прошедшего времени СВ (*расхлебывали, отскреблись*), выступают в форме глагола будущего времени и инфинитива в значении будущего времени. Инфинитивные конструкции олицетворяют собой собственно синтаксический способ выражения модальных оттенков смысла предложения. Такие конструкции занимают особое место среди средств выражения модальных значений: передают недифференцированные значения возможности/долженствования/предстояния [6, 709] и потенциальности, заложенной в самой семантике инфинитива. В примере (5) это значение дополняется семантикой неизбежности и обусловленности положения дел теми или иными обстоятельствами, которые не эксплицированы во фрагменте, но подразумеваются. Кроме того, инфинитивные предложения характеризуются экспрессией, лаконичностью, напряженностью и способны актуализировать передаваемую информацию. Инфинитивная конструкция привносит в семантику фрагмента текста и в характеристику текстового времени модальные значения (эксплицирует неизбежность определенного хода событий в будущем), экспрессию, обеспечивает восприятие информации читателем в качестве актуальной в течение длительного периода времени в будущем.

Вероятно, что в анализируемом фрагменте ВП эксплицирован особым образом, функционально. В данном случае нет прямого лексического указания на «забегание вперед и возвращение назад» [3, 524]. Между тем автор иносказательно повествует о том, каковы-ми будут нежелательные социально-политические последствия описываемой ситуации и как она будет разворачиваться в будущем. Далее автор возвращается к повествованию о «настоящем». В данном примере обыгрывается фразеологизм «заварить кашу», который, по данным ряда фразеологических словарей, употребляется, когда речь идет о некоем «сложном, хлопотном и неприятном» [8, 160] начинании. Следовательно, автор, выбрав такой способ изложения, отошел от документальной фактографии и представил события сквозь собственную субъектную сферу, при помощи эмоционально-экспрессивных средств языка. Во фрагменте (5) ЭВ реализуется в функции эмоционально-экспрессивного сопоставления и противопоставления настоящего и будущего текстового времени.

Резюме. ЭВ в структуре семантики ВП способно выполнять в нарративном тексте следующие функции:

- сфокусировать внимание читателя на смене эпох;
- указать на коренные изменения в социально-политической и духовной жизни социальной общности и/или государства;
- акцентировать внимание на переоценке тех или иных исторических событий;
- эксплицировать переломные моменты в судьбе конкретной личности;
- актуализировать переживание времени в событиях субъектом восприятия (автором или персонажем);
- подчеркнуть значимость некоего временного промежутка для автора и/или персонажа, выделить этот промежуток на оси времени, не исключая его из цепи событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большой толково-фразеологический словарь Михельсона* : в 3 т. [Электронный ресурс] / гл. ред. М. И. Михельсон. – Электрон. текстовые дан. – EST Publishing house, 2004. – Режим доступа: <http://bookarchive.ru/>
2. *Бондарко, А. В.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии / А. В. Бондарко. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 219 с.
3. *Бондарко, А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики / А. В. Бондарко. – М. : Языки славянских культур, 2002. – 736 с.
4. *Виноградов, В. В.* Русский язык: грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1972. – 601 с.
5. *Русская грамматика* : в 2 т. Т. 2 / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980. – 717 с.
6. *Современный русский язык* / под ред. В. А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1989. – 800 с.
7. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта ; Наука, 2003. – 327 с.
8. *Фразеологический словарь русского языка* / под ред. А. И. Молоткова. – М. : Советская энциклопедия, 1967. – 544 с.
9. *Широкова, Е. Н.* Типология эмотивного времени / Е. Н. Широкова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2008. – № 1. – С. 215–219.
10. *Широкова, Е. Н.* Эмотивное время как эксплицитная составляющая субъективного времени / Е. Н. Широкова // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2007. – № 1 (11). – С. 85–90.
11. *Шмелев, А. Д.* Лингвоспецифичное в концепции времени в русском языке [Электронный ресурс] / А. Д. Шмелев. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.ksu.ru/>
12. *Štěpán, J.* Odkasování sa hraní věty k časovým výslovným novým vyjádřením myšlenky / J. Štěpán // Slovo a slovesnost. – Praha, 1981. – Č. 1. – С. 31–33.